

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА СУДЕБНОГО СУБДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Е. А. Богачева

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Статья посвящена определению лингвопрагматической специфики судебного субдискурса, выявлению способов реализации его коммуникативных тактик и стратегий, а также выделению набора функциональных лексических, семантических и синтаксических шаблонов, репрезентирующих судебный субдискурс в языке и современных коммуникациях. Исследование показало, что судебный субдискурс имеет свою специфику в зависимости от сферы реализации, института права и состава участников.

Ключевые слова: *юридический дискурс, судебный субдискурс, институциональное общение, лингвистика, язык и право.*

Введение

Актуальность данного исследования заключается в том, что демократические преобразования влияют на трансформацию системных знаний о праве общества, возрастает необходимость понимания правового языка социумом для государственного регулирования общественных отношений, что требует детального изучения специфических элементов юридического дискурса как формы вербального искусства. Данное исследование способствует более глубокому пониманию языковых взаимодействий в юридической сфере на примере общения участников судебного заседания. Изучение своеобразия коммуникативного взаимодействия людей в рамках судебного субдискурса является требованием современного общества. Дискурсивные данные проанализированы и подкреплены примерами.

Для достижения указанной цели исследования поставлены следующие **задачи**: во-первых, установить баланс юридического и лингвистического параметров в структуре судебного субдискурса; во-вторых, изучить лингвопрагматическую и коммуникативную специфику судебного субдискурса; в-третьих, выявить речевые особенности взаимодействия участников юридического судебного субдискурса. **Методы исследования**: основополагающим является описательный метод исследования, включающий приемы наблюдения, интерпретации, сопоставления и обобщения.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в об-

ласти теории коммуникации, когнитивной лингвистики, теории текста и дискурса, теории юридического дискурса (Н. Д. Арутюнова, Дж. Брауна, Н. Д. Бурвиковой, Т. А. Ван Дейка, Дж. Граймса, В. Дресслера, Дж. Дюбуа, Р. Р. Исхакова, Н. М. Кожина, В. Г. Костомарова, О. А. Крапивкина, М. Л. Макарова, Л. А. Непомилова, П. Серию, М. Стаббса, В. Е. Чернявской, Д. Шифрина и др.). Теоретическая значимость исследования заключается в разработке методологии лингвопрагматического анализа юридического дискурса. С этой целью авторы акцентируют внимание на эпистемологических последствиях дискурсивности права. Их анализ также показывает возможности и пределы права как социального и лингвистического феномена, который определяется его дискурсивностью. На основе теоретических знаний о природе когниции и ее механизмов осуществляется значимое представление действительности в юридическом дискурсе.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования могут послужить основой дальнейших разработок по изучению судебного субдискурса, в возможности применения основных положений исследования в лекционных теоретических курсах: по теории текста и дискурса, когнитивной лингвистике, теории коммуникации, теории межкультурной коммуникации, стилистике и интерпретации текста. Результаты и материалы научного исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий по теории языка.

Баланс юридического и лингвистического параметров в структуре судебного субдискурса

Сегодня существует множество научных работ, посвященных изучению проблематики юридического дискурса. В связи с развитием юриспруденции закладываются новые теоретические основы, в научном аспекте происходит переосмысление понимания самого права в различных направлениях. Современные реалии влияют на трансформацию системы знаний о праве, направленную на регулирование общественных отношений с учетом потребностей общества.

Для юридического дискурса характерны следующие особенности: тематическая связность, ситуативная обусловленность, динамичность, социальная ориентация, неоднородная структурированность, недискретность [12. С. 20]. При анализе юридического дискурса необходимо учитывать следующие особенности: специфика терминообразования и терминопотребления, параметры определения понятий; особенности речевой ситуации, различия речевых форм, свойственных какой-либо социальной роли участника как субъекта; характерные особенности дискурса, его структурное построение, анализ его формирования в историческом аспекте.

В процессе исследования научных трудов мы выявили, что не существует общего термина «дискурс», который можно было бы рассматривать в различных аспектах. Данное понятие в основном используется специалистами в различных научных областях, тем самым обладает некой многозначностью понимания с различными смысловыми значениями.

Термин «дискурс» в переводе с французского означает «речь» согласно лингвистическому энциклопедическому словарю. Причем данное понятие изучается с различных позиций: как связь текста с достоверностью документационных сведений и языковой идентичностью, как связь с социокультурными, психологическими и другими факторами. Так, по мнению Н. Д. Арутюновой «содержание текста соотносится с реальной исторической перспективной действительностью и повествует о причинно-следственных событиях. Значимую роль оказывают участники как субъекты взаимодействия, от которых зависит, какую они исполняют социальную роль и какую занимают субъектную позицию» [1. С. 136]. Автор утверждает, что дискурс следует понимать как речь, отражающую окружающую действительность жизни [Там же. С. 137].

В научных исследованиях вышеназванного автора дискурс есть реализация разнообразных форм человеческой жизни с помощью языка (интервью, инструктаж, экзаменационный диалог и др.).

Аргументированной представляется точка зрения О. А. Крапивкиной и Л. А. Непомилова, согласно которой юридический дискурс понимается как «совокупность высказываний по вопросам правовой действительности, детерминированных контекстуально (контекстом ситуации и контекстом культуры)» [9]. Юридическая наука ориентирована на актуальные теоретические знания о праве, понимание сущности правовой системы, изучение правовых направлений, подходов. Отметим развитие коммуникативно-информационной теории права (А. В. Поляков), появление юрико-антропологического подхода к праву (О. А. Пучков), формирование своеобразного мировоззрения и интерпретации права, то есть право как диалог (И. Л. Честнов). Реформирование информационной системы знаний способствует умению людей сопоставлять реальные события. Умение оценивать свои права и права других способствует формированию отношения к окружающему. Данные обновления оказывают влияние, собственно, и на науку. Появляются иные правовые категории, требующие новых, порой нетрадиционных механизмов познания права. Соответственно, обновляется парадигма представлений о юридической лингвистике, благодаря чему становится возможным междисциплинарное изучение юридического дискурса.

Таким образом, юридический дискурс рассматривается как объект междисциплинарных исследований. Комплексный подход оказывает значимую роль при осуществлении анализа в использовании методов исследования для достижения необходимых результатов.

Изучением феномена юридического дискурса занимаются психологи, философы, социологи, лингвисты, специалисты по теории коммуникации и, конечно, правоведы. Данный вид дискурса рассматривается в совокупности основ права, фактов истории, психологической абстракции, социальной статистики, профессиональной этики, политологии и др. Следует отметить, что социолингвистика ориентирована на фактическое использование языка с учетом его социальной природы. Помимо диалектных и социолектных вариаций в использовании языка или изучении взаимозависимости языковых форм и социальных категорий, таких как ситуация, институт, возраст, пол, статус, роль или принадлежность к социальной группе, соци-

лингвистика занимается исследованием функционирования языка в дискурсе, особенно в работах У. Лабова [15; 16]. Все чаще признается, что языковые системы и использование языка не являются автономными, а неразрывно связаны с функциями взаимодействия и социальными контекстами вербальной коммуникации: таким образом, языковые и дискурсные формы маркируют их соответствующие социальные параметры, или *указывают* на них [17], и рассматриваются как проявления социального действия определенного рода.

Согласно исследованиям И. В. Таньчевой, в социолингвистике дискурс понимается как «выстраивание процесса взаимодействия между субъектами, то есть его участниками, соответственно, каждый из субъектов является представителем определенной социальной группы, а также обладателем определенного языка, носителем менталитета и субъекта культуры поведения в той или иной ситуации» [11. С. 735].

Опираясь на исследования В. З. Демьянкова, при изучении юридического дискурса следует обращать внимание на статус ролевой позиции каждого индивидуального участника, так как каждый субъект представляет интересы определенной социальной группы и выступает участником институционального общения. Наряду с этим необходимо отметить, что в юридическом дискурсе каждый субъект выполняет конкретную социальную роль, подразумевающую выполнение определенных функций [5]. Соответственно, регулирование отношений в дискурсе между субъектами законодательно закреплено в нормативной базе. Основными типами текстов письменной формы юридического дискурса являются специальные и неспециальные тексты закона [13]. Устная форма юридического дискурса включает ряд субдискурсов, из которых наиболее значим судебный. В нем могут быть задействованы как профессиональные, так и непрофессиональные его участники (представители определенного института правосудия). Каждый гражданин обладает естественными правами, соответственно, правоспособен обрести определенный статус в роли как свидетеля, истца, эксперта, так и присяжного. Для того чтобы быть профессиональным участником дискурса, необходимо освоить специальные институциональные знания, овладеть способностями оперирования правовой информацией и лингвистическими символами. Основным признаком институционального дискурса, по мнению В. И. Карасика, является тот факт, что юридическая ситуация наделена ограничениями по времени юридического диалога, в процессе которого могут

быть представлены как доказательства, так и заблуждения [8]. Определение границ различных видов институционального общения осуществляется условно. Ведь в связи с расширением цифровых технологий видоизменяется и само общение между людьми. Благодаря развитию телевидения и информационной среды коммуникации сглаживаются границы между обыденным и институциональным общением. Институциональным дискурсом могут изменяться границы в связи с личностным восприятием субъекта абстрагированных форм юридической деятельности. Юридический дискурс может преобразовываться в формы институционального общения: политический дискурс, управленческий дискурс и пр.

Таким образом, можно констатировать, что институциональность представляет собой такой признак, интенсивность которого зависит от типологии дискурса. В данном исследовании судебный субдискурс реализуется в коммуникативных общностях институционального типа (нотариальные и адвокатские конторы, суд, прокуратура, полиция).

Лингвопрагматическая и коммуникативная специфика юридического дискурса и судебного субдискурса

В исследованиях Е. А. Богачевой рассматривается структурное содержание категорий юридического дискурса, а именно как юридический дискурс освещает и разрешает юридические вопросы в конкретной области права, как коммуникативная направленность регулирует общественные отношения, как факты превалируют над ценностями в когнитивной определенной деятельности, при возникновении противоречий между индивидом и социумом [2. С. 49].

В плане определения структурных, семантических, коммуникативных особенностей юридического дискурса, по мнению В. З. Демьянкова, значимое влияние оказывают междисциплинарные связи языкознания с антропологией, культурологией, историей религии, политологией и др. [5. С. 89]. Сам по себе юридический дискурс отражается в межинституциональной и межкультурной среде, на основе ценностных институциональных установок политики, религии и экономики. Данный дискурс сосуществует с иными институтами. Имеющиеся разграничения между легитимными и нелегитимными инструментами осуществляют социальный контроль и способствуют построению институциональных отношений [7].

Анализ юридического дискурса показывает, что терминология определений до сих пор разнится. Язык юридического дискурса отличается определенными кодами, символами в связи с соответствием институциональной среде, а речевые жанры судебного разбирательства, согласно Л. А. Введенской, Л. Г. Павловой, представляют собой напутственное пожелание присяжным, озвучивание обвинительной и защитительной речей, возникновение судебных прений, вынесение приговора. Специфичность юридического языка заключается в его репрезентативности, стандартизированной форме высказываний — к примеру, цитирование норм законодательства как клише. Творческая реализация языка характеризуется сочетанием стандартных и эмоционально-экспрессивных средств выражения [3].

С позиции Т. В. Губаевой, язык права может быть представлен в совокупности определенных типов словоупотребления: язык закона, отраженный в нормативном акте, в котором подробно прописаны правовые установления; язык юридической практики, использования права в судопроизводстве, в функционировании основных ветвей власти: законодательной, исполнительной, судебной; язык юридической науки в изучении теории права при комментировании и аргументировании правовых норм и построении правовых теорий; язык правовой пропаганды направленный на массовое правовое воспитание социума [4].

Следует отметить, что в рамках судебного субдискурса изучаются правовые установки коммуникации в процессе информационного и деятельностного взаимодействия субъектов права. Носителями коммуникативного процесса выступают субъекты коммуникации: получатель и адресат. Их детализация определяется характером микросреды общения [10. С. 17—18]. В качестве субъектов рассматриваются лица — участники судебного процесса: судья, адвокат, прокурор, подсудимый, свидетель, присяжные. Целевые установки участников судебного заседания определяют всю аргументированную и эмоциональную структуру судебной речи. Для того чтобы реализовать свои намерения, каждый участник прибегает к своим, наиболее эффективным для данной коммуникативной ситуации стратегиям и тактикам речевого поведения:

— *манипулятивная* — представляет собой манипулирование сознанием адресата посредством коммуникации. Данная тактика наиболее часто используется в судебном дискурсе. Адвокат, к примеру, заинтересован в получении от стороны обвинения нужных показаний свидетеля и выражает

свои мысли особым образом, добиваясь желаемого результата (в опросе подсудимого, допросе свидетелей, прениях сторон);

— *агитационная* — элементами указанной стратегии пользуются в своих показаниях адвокат подсудимого и потерпевший, привлекая внимание собравшихся к излагаемым фактам и убеждая в своей правоте;

— *дискредитирующая* — стратегия чаще всего используется свидетелями, которые, добиваясь собственных целей, могут прибегнуть к даче заведомо ложных показаний;

— *стратегия самопрезентации* осуществляется, как правило, судьей при представлении себя и участников судебного заседания, материалов дела;

— *интерпретирующая* — данную стратегию реализуют практически все участники судебного процесса, кроме судьи и прокурора, интерпретируя выступления в зале суда, а также материалы дела;

— *аргументационная* — указанную стратегию используют государственный обвинитель и адвокат, аргументируя в выступлениях свою точку зрения;

— *стратегия самозащиты* — реализуется подсудимым для доказательства невиновности.

Особенности взаимодействия участников судебного субдискурса

Рассмотрим перечисленные лингвопрагматические стратегии на примере судебного субдискурса, где роли участников ограничены во взаимодействии в ходе судебного разбирательства, так как эти ограничения помогают выявить и понять меняющиеся структуры власти в ходе выступления в зале суда. Судья нередко прерывает действия адвоката, когда считает, что представлено достаточно информации для принятия решения, используя тактику *прерывания*, например:

Judge — Lawyer (While L is talking about the case instead of responding a simple yes or no to a question about paperwork): *Thank you. That's more than I wanted to know.* **Судья — адвокат** (адвокат говорит по делу вместо того, чтобы просто отвечать «да» или «нет» на вопросы о документах): *Спасибо. Это больше, чем я хотел знать.*

Lawyer — Judge: *Your honor, let me clarify a few points. It's very pricey, which by today's standards seems to mean that...* **Л — Л** (interrupting) *Don't tell me what I already read. Thank you, I have enough information that I can make a decision.* **Адвокат — судья:** *Ваша честь, позвольте мне прояснить несколько моментов. Это очень дорого, что по сегодняшним меркам, кажется, означает, что...*

Судья — адвокат (перебивая): *He говорите мне то, что я уже читал. Спасибо, у меня достаточно информации, чтобы принять решение.*

Lawyer — Judge: *Apologize, your honor. Адвокат — судья: Прошу прощения, ваша честь* [14].

Такое взаимодействие адвоката и судьи является неотъемлемой частью судебного процесса. Судья в таких ситуациях не позволяет адвокату выходить за рамки своей роли и говорить на темы, не имеющие отношения к поставленной задаче. Таким образом, прерывание речи адвоката следует рассматривать не только как выражение власти, но и как указание на то, что адвокат пытается превысить свои полномочия.

Еще одной важной коммуникативной тактикой, позволяющей реализовать *агитационную стратегию*, является тактика возражений. Возражения — это апелляции к правилам и ограничениям, присутствующим судебному дискурсу в силу специфики природы его вербального исполнения. Адвокаты могут высказывать опасения по поводу того, что часть выступления не была проведена должным образом или что кто-то превысил значимость своей роли. Обычно они выражают это с помощью речевого шаблона «*Возражаю, ваша честь*». Далее происходит указание на то, что, по их мнению, было нарушено:

Lawyer — Judge: *Objection. It does not say that she was beaten. It says that she was grabbed. Адвокат — судья: Возражаю. В нем не говорится, что она была избита. Там написано, что ее схватили.*

Judge — Lawyer: *Sustained. That is misrepresenting the evidence. Судья — адвокат: Поддерживаю. Это искажение фактов.*

Lawyer — Judge: *Objection. She's bringing up something that is not in the petition. Адвокат — судья: Возражаю. Она поднимает вопрос, которого нет в петиции).*

Judge — Lawyer: *Sustained! That is not in the petition. Судья — адвокат: Поддерживаю! Этого нет в петиции.* (Жирный курсив указывает на акцент) [Ibid.].

Принимая решение по возражениям, судья выполняет свои обязанности по поддержанию порядка и целостности работы зала суда.

Дискредитирующая стратегия применяется при взаимодействии адвоката и свидетеля только во время допроса свидетелей. Каждого свидетеля допрашивают по одному адвокату с каждой стороны. Ограничения для этих ролей, пожалуй, самые строгие из всех взаимодействий в судебном

дискурсе. Адвокат должен общаться со свидетелем только с помощью вопросов. Свидетель должен четко отвечать на эти вопросы. Такое общение адвоката и свидетеля во время допроса чаще всего понимается как взаимодействие в зале суда. Уклонение от прямого ответа является обычным явлением в выступлениях свидетелей. Такая тактика наиболее распространена, когда свидетеля просят вспомнить события и людей, имеющих отношение к судебному делу. Свидетели могут уклоняться от ответов во время допроса:

Lawyer — Witness: *That would be incorrect, right? Адвокат — свидетель: Это было бы неправильно, правда?*

Witness — Lawyer: *I think so, yes. Свидетель — адвокат: Думаю, да.*

Lawyer — Witness: *Can we say you left at 11:30? Адвокат — свидетель: Можно сказать, что вы ушли в 11:30?*

Witness — Lawyer: *I guess, I can't be sure. Свидетель — адвокат: Я не могу быть уверенным.*

Lawyer — Witness: *Who was that person? Адвокат — свидетель: Кто был тот человек?*

Witness — Lawyer: *I'm not sure, I don't know. Свидетель — адвокат: Я не уверен, я не знаю.*

Lawyer — Witness: *Mrs. (Plaintiff) ever tell you that she was non-compliant in taking her (medicine name)? Адвокат — свидетель: Миссис... (истец) когда-нибудь говорила вам, что она не согласилась принимать ее? (должность врача).*

Witness — Lawyer: *Well, I don't recall that. Not in my recollection. I think it's in the medical records. Свидетель — адвокат: Ну, я этого не припомню. Думаю, это есть в журнале.*

Lawyer — Witness: *What's the basis of your opinion on this? Адвокат — свидетель: Почему вы так думаете?*

Witness — Lawyer: *Experience. Свидетель — адвокат: Опыт* [Ibid.].

Такое взаимодействие противоречит одному из основных принципов переговоров в зале суда: адвокаты обладают большей властью, чем свидетели. Это говорит о том, что уклонение от прямого ответа происходит не столько из-за разницы в компетентности, сколько из-за содержания, о котором просят рассказать свидетеля, оказывая непосредственное давление.

Заключение

Обобщая сказанное, можно сделать *выводы*, что многие из вышеперечисленных особенностей потенциальных взаимодействий участников

судебного субдискурса не подвергались серьезным лингвистическим исследованиям. Вместе с тем данные особенности включают такие уникальные лексико-семантические и структурно-синтаксические шаблоны, как «Возражаю, ваша честь!», «Поддерживаю!», «Протестую» и др., и используются участниками судебного процесса, а их употребление фиксируется судебным протоколом.

Анализ судебного субдискурса показал, что его коммуникативная направленность определяет уровень влияния социума на личность человека и регулирует правовое поле общественных отношений. Судебный субдискурс обладает специфичностью, а язык права реализует аргументативную функцию. Важную роль в данном случае играет обращение к ценностному выбору определенных действий

участниками судебного субдискурса.

Таким образом, можно говорить о том, что юридический дискурс в целом и судебный субдискурс в частности представляют собой совокупность высказываний по вопросам правовой действительности. Юридический дискурс как институциональный вид дискурса стремится посредством изучения текста и речи решать вопросы о соотношении и взаимодействии индивидуального и социального. В результате изучения различных источников мы выделили следующие стратегии взаимодействия участников судебного процесса: манипуляционная, агитационная, дискредитирующая, стратегия самопрезентации, интерпретирующая, аргументационная и стратегия самозащиты.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Совет. энцикл., 1990. С. 136—137.
2. Богачева Е. А. Юридический дискурс: особенности и основные характеристики // Язык — Коммуникация — Образование: методология исследования и практика преподавания: сб. науч. тр. по материалам II Всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 17 марта 2020 г. / под ред. Е. Ю. Балашовой. Саратов: Коваль Ю. В., 2020. С. 48—54.
3. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Риторика для юристов: учеб. пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2002. 576 с.
4. Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: Инфра-М. 2010. 176 с.
5. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 27—30 сент. 2007 г.: Пленарные доклады. М.: Моск. ин-т иностр. яз.: Рос. акад. лингвист. наук: Ин-т языкознания РАН; Науч. журн. «Вопр. филологии», 2007. С. 86—95.
6. Исхакова Р. Р. Когнитивный аспект реализации субъективно-межличностной модальности в английском судебном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 27 (165). С. 39—43.
7. Карасик В. И. Ритуальный дискурс // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. С. 157—170.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
9. Крапивкина О. А., Непомиллов Л. А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9. URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855> (дата обращения 30.10.2020).
10. Нагога О. В. Особенности внешних факторов и языковых средств, образующих жанр «закон» в современном немецком языке / под ред. О. С. Родионовой. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2018. 148 с.
11. Таньчева И. В. Этнокультурная идентичность субъекта // Этнокультурное образование в современном мире: сб. науч. ст. по материалам Всерос. оч.-заоч. науч.-метод. конф. (Саратов, 18—20 апр. 2017 г.) / науч. ред. Е. А. Александрова. М.: Перо, 2017. С. 733—737.
12. Храмова Н. Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения: монография. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012. 180 с.
13. Шарафутдинова О. И., Поповская В. И. Текст закона: специальный vs неспециальный // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 12 (446). Филологические науки. Вып. 122. С. 172—177.

14. Bauman R. Verbal Art as Performance. Long Grove, Illinois. Waveland Press, 1977. 150 p.
15. Labov W. Language in the Inner City. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1972. 412 p.
16. Labov W. Sociolinguistic Patterns. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1972. 344 p.
17. Social Markers in Speech / ed. by K. R. Scherer, H. Giles. London: Cambridge Univ. Press, 1979. 412 p.

Сведения об авторе

Богачева Екатерина Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии, Саратов, Россия. kapitolina19@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 7 (453). Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 7—14.

THE LINGUO-PRAGMATIC ASPECT OF JUDICIAL SUBDISCOURSE ANALYSIS (ON THE EXAMPLE OF THE ENGLISH LANGUAGE)

E. A. Bogacheva

Saratov State Legal Academy, Saratov, Russia. kapitolina19@yandex.ru

The article is devoted to defining the linguo-pragmatic specifics of the judicial subdiscourse, identifying ways to implement its communicative tactics and strategies, as well as identifying a set of functional lexical, semantic and syntactic patterns that represent the judicial subdiscourse in language and modern communications. The scientific novelty of the research lies in an integrated approach to the study of the speech features of the interaction of participants in a legal judicial sub-discourse, which consists in a linguo-pragmatic and discourse analysis of the materials of court cases. The author uses the works of contemporary representatives of Russian and foreign legal and philosophical thought. The study showed that legal discourse in general and judicial subdiscourse in particular have their own specific characteristics depending on the sphere of implementation, the institution of law, as well as the composition of the participants. Thus, the linguistic-pragmatic functions of the judicial sub-discourse are determined by the conditions of the course of legal communication. A set of communicative tactics implements such linguo-pragmatic strategies of interaction between participants in the trial as manipulative, agitational, discrediting a witness, self-introducing, interpretive, argumentative and self-defense strategies.

Keywords: *legal discourse, judicial subdiscourse, institutional communication, linguistics, language and law.*

References

1. Arutyunova N. D. (1990) Diskurs [Diskurs]. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya. Pp. 136—137 [in Russ.].
2. Bogacheva E. A., Balashova E. (ed.) (2020) Yuridicheskij diskurs: osobennosti i osnovnye harakteristiki [Legal discourse: features and basic characteristics]. Yazyk — Kommunikaciya — Obrazovanie: metodologiya issledovaniya i praktika prepodavaniya [Language — Communication — Education: research methodology and teaching practice]. Saratov. Pp. 48—54 [in Russ.].
3. Vvedenskaya L. A., Pavlova L. G. (2002) Ritorika dlya yuristov [Rhetoric for lawyers]. Rostov. 576 p. [in Russ.].
4. Gubaeva T. V. (2010) Yazyk i pravo. Iskusstvo vladeniya slovom v professional'noj yuridicheskoy deyatel'nosti [Language and law. The art of word control in professional legal practice]. Moscow, Norma. 176 p. [in Russ.].
5. Dem'yankov V. Z. (2007) IV Mezhdunarodnaia nauchnaia konferenciia "Iazyk, kul'tura, obshchestvo" [IV International Scientific Conference "Language, Culture, Society"]. Moscow. Pp. 86—95 [in Russ.].
6. Iskhakova R. R. (2009) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 27 (165), pp. 39—43 [in Russ.].

7. Karasik V. I. (2002) Ritual'nyj diskurs [Ritual discourse]. Zhanry rechi [Genres of speech]. Saratov, College Publ. Pp. 157—170 [in Russ.].
8. Karasik V. I. (2004) Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis. 390 p. [in Russ.].
9. Krapivkina O. A., Nepomilov L. A. (2014) *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, no. 9. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855>, accessed 30.10.2020 [in Russ.].
10. Nagoga O. V., Rodionova O. S. (ed.) (2018) Osobennosti vneshnih faktorov i yazykovykh sredstv, obrazuyushchih zhanr “zakon” v sovremennom nemeckom yazyke [Features of external factors and linguistic means that form the genre “law” in the modern German language]. Saratov, Saratov State Law Academy Publ. 148 p. [in Russ.].
11. Tan'cheva I. V. (2017) Etnokul'turnaya identichnost' sub'ekta [Ethnocultural identity of the subject]. Etnokul'turnoe obrazovanie v sovremennom mire [Ethnocultural education in the modern world]. Saratov, Pero Publ. Pp. 733—737 [in Russ.].
12. Hramcova N. G. (2012) Diskurs-pravovoj analiz: ot teorii k praktike primeneniya [Discourse legal analysis: from theory to practice of application]. Kurgan, Kurgan State Univ. Publ. 180 p. [in Russ.].
13. Sharafutdinova O. I., Popovskaya V. I. (2020) Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 12 (446). *Filologicheskiye nauki*, iss. 122, pp. 172—177.
14. Bauman R. (1977) Verbal Art as Performance. Long Grove, Illinois. Waveland Press. 150 p.
15. Labov W. (1972) Language in the Inner City. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press. 412 p.
16. Labov W. (1972) Sociolinguistic Patterns. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press. 344 p.
17. Scherer Klaus R., Giles Howard (eds.). (1979) Social Markers in Speech. London, Cambridge Univ. Press. 412 p.